

Содержание

Введение	5
Кое-что о прожитой жизни	7
Род Гессенов в России (XIX–XX вв.) // Из глубины времен. СПб., 1996. № 7. С. 101–142	54
«Камво» – крупнейшее транспортно-страховое общество в России // История предпринимательства в России: XIX – начало XX в. Вып. 1. СПб., 2005. С. 127–152	95
Библиотеки и архивы еврейских просветительных обществ Петербурга: жестокая судьба // Клио. СПб, 2003. № 4. С. 80–89	129
Сведения по истории бухарских евреев в хранилищах Петербурга // Клио (Журнал для ученых). СПб., 2002. № 1. С. 24–28	159
Игнатий Порфирьевич Манус: материалы к биографии // Из глубины времен. 2011. № 14. С. 41–76.....	172
Норвежский предприниматель Ионас Лид – энтузиаст установления экономических связей с Россией // Финансы и Бизнес. 2010. № 1. С. 206–229	224
Большой террор на политико-экономическом факультете Ленинградского университета в 1948–1950-х гг. (по архивным документам и воспоминаниям) // УРОКИ истории – уроки ИСТОРИКА: Сборник статей к 80-летию Ю. Д. Марголиса / Нестор-История, 2012. С. 340–362. Соавт.: доц. А. Л. Дмитриев.	264
Указатель имен по очерку о жизни и семи статьям	301
Генеалогическое исследование: Дипломат и генеалог Юрий Александрович Нелидов: его предки и потомки // Клио. 2011. № 6. С. 100–112.....	318
Хронологический указатель публикаций В.Ю. Гессена на исторические темы	360

Автор выражает благодарность:

Кравченко Антонине Михайловне, своей жене, — за всестороннюю многолетнюю поддержку

Игнатову Анатолию Афанасьевичу, руководителю ряда предприятий Санкт-Петербурга, — за спонсорскую поддержку

Повсяному Константину Николаевичу и его жене *Чировой Наталье Александровне* — за спонсорскую поддержку

Грубаргу Марку Давидовичу, председателю Санкт-Петербургской еврейской религиозной общины, — за духовную и спонсорскую поддержку

Френкелю Александру Станиславовичу, директору Еврейского общинного центра Санкт-Петербурга, — за поддержку в научной работе

Сахарову Игорю Васильевичу, президенту, *Краско Алле Владимировне*, вице-президенту Российского генеалогического общества, — за поддержку исследований в области генеалогии

Эрлиху Сергею Ефромовичу, генеральному директору издательства «Нестор-История», и исполнительному директору издательства *Качановой Елене Федоровне* — за публикацию книг

Елисейевой Ирине Ильиничне, члену-корреспонденту РАН РФ, и *Дмитриеву Антону Леонидовичу*, доценту, — за научное консультирование и публикации в журнале «Финансы и Бизнес»

Цукерману Якову Николаевичу — за публикацию статей в газете «Ами»

Полтораку Сергею Николаевичу, доктору исторических наук, профессору, — за публикацию статей в журнале «Клио»

Островскому Александру Владимировичу, доктору исторических наук, профессору, — за публикацию статей в альманахе «Из глубины времен»

ВВЕДЕНИЕ

В книге представлен ряд наиболее значительных статей экономиста и историка В. Ю. Гессена. Им предшествует краткое описание жизненного пути с более подробным освещением событий, являвшихся, по мнению автора, наиболее значительными.

Помещенные в сборнике восемь статей характеризуют основные направления, по которым автор осуществлял исторические исследования. Это, прежде всего, история рода Гессенов, с изучения которой автор собственно и начал заниматься историческими вопросами после многих лет исследований по экономике горной промышленности. В этой статье, первой крупной работе по теме, в кратком виде показана роль представителей рода — Иосифа Владимировича, Владимира Матвеевича, Юлия Исидоровича Гессенов и ряда других, — как в еврейской общественной жизни, так и в политической, хозяйственной и научной жизни России.

К этой теме непосредственно примыкает и вторая статья, которая посвящена «Камво» — крупнейшему транспортному и страховому обществу в России, в создании которого Гессены принимали самое активное участие. Вместе с тем эта статья во многом дает представление о развитии в широком плане российского предпринимательства в области транспорта.

По изучаемой автором в течение многих лет теме, связанной с историей евреев в Санкт-Петербурге, выбрана статья по созданию и деятельности еврейских просветительных обществ. Подробно рассмотрена их печальная участь в 1920–1930-х годах. Чтобы дать читателю представление о многогранности имеющихся в Санкт-Петербурге архивных материалов по еврейской тематике, помещена статья, посвященная той их части, которая относится к истории бухарских евреев, образовавших общину в Санкт-Петербурге в наши дни.

К истории предпринимательства в России относится помещенная статья об одном из крупнейших финансистов России начала XX века — И. П. Манусе.

Совместно с доцентом А. Л. Дмитриевым написана статья, посвященная истории трагических событий на экономическом факультете Ленинградского государственного университета в 1947–1950 годы, свидетелем которых был В. Ю. Гессен. В большинстве статей проявилось увлечение автора генеалогическими исследованиями. Именно им посвящена последняя статья о Ю. А. Нелидове, представителе известной «дипломатической» семьи, в значительной степени связанная с его исследованиями по истории ряда известных родов в России и, в частности, деятеля петровского времени П. П. Шафирова, жизнью и предпринимательством которого автор данной книги немало занимался.

Объем издания не позволил включить целый ряд статей, относящихся к истории местных переписей населения в Санкт-Петербурге и в России в целом рассказ о жизни и деятельности, финансиста А. Переца и некоторые другие.

КОЕ-ЧТО О ПРОЖИТОЙ ЖИЗНИ

1. Первые годы

Я, Гессен Валерий Юльевич, родился в Ленинграде на Петроградской стороне 17 декабря 1927 г. И первое время жил в снятой родителями комнате в доме, вероятно, на Большой Монетной улице. О них писать здесь не буду, так как об этом кратко сказано в первой из публикуемых моих статей в этом сборнике. Когда мне было около года, мать со мной переехала на Московский проспект, 14, где жила с малых лет в квартире моего деда. И это произошло только тогда, когда он, глубоко религиозный, как-то смирился с тем, что его дочь много лет живет с женатым человеком, который старше нее на двадцать два года и моложе деда всего на три. Отец же продолжал быть как бы приходящим мужем, так как в основном жил в своей квартире на Басковом переулке. И вечерами мне мать наказывала: «Смотри в окно. Жди, когда появится трамвай № 37 с синими огнями, на котором приедет папа». Конечно, он был известным историком еврейского народа в России, что существенно сглаживало остроту положения в семье. Бабушка, простая женщина, говорила про него: «Он очень черный и очень ученый».

Квартира, где мы жили, была весьма большой. Кроме дедушки и бабушки, там проживали две наши незамужние тети и два неженатых дяди. А в одной из комнат жила незамужняя дама, вселенная в конце 1920-х гг.

Помню, как ее знакомый все говорил ей: «Давайте я Вас голую сфотографирую?» Она отнекивалась, он уговаривал. «Но ведь я буду на Вас смотреть только через фотоаппарат». Не знаю, как они тогда согласовали этот вопрос. А в 1970-х гг. она звонила с Северного Кавказа и приглашала меня переписать на себя дом, в котором она жила. Но я не прореагировал должным образом. Кстати, почти в этот же период одна престарелая дама, бывшая весьма близкая знакомая, предлагала

мне переписать на себя дом или часть его под Москвой, кажется в Новогиреево. И я опять не откликнулся. Нет во мне тяги к собственности, ну хоть тресни!

Вспоминаю дедушку, сидящего в кресле во главе обеденного стола, за которым никогда не было многолюдно — у каждого из его детей была своя работа, свое расписание. Здесь же дедушка, молча, молился, слегка раскачиваясь. При этом он часто смотрел на меня, наверное, желая мне благополучия. А по субботам и праздникам он молился в своей комнате в полном облачении. На еврейскую пасху мацой заполнялась большая плетеная корзина. Некоторое ее количество присылали из Литвы его родственники. Была она белоснежной, что меня умиляло. Помню какие-то особо тревожные дни, когда волнения взрослых невольно передавались детям. Только потом поняв, что тогда убили С. М. Кирова и ждали последствий этого.

Учился я первые два года в первой образцовой школе Октябрьского района (угол ул. Плеханова и Гривцова пер.). Всегда в ней беспокоил меня висевший лозунг: «Кадры решают все!» без огласовки «е». Я огорчался, что все, наверное, решают что-то в смысле задачки, а я не могу. Но спросить храбрости не хватило. В школу меня водили взрослые, так как надо было пересечь Сенную площадь, полностью заставленную торговыми рядами.

В конце 1936 г. я начал жить с матерью и отцом в кооперативном доме для научных работников (Тверская ул., 3). Потом, правда, деньги стали возвращать, и дом стал обычным. В нашем Северном корпусе жил известный профсоюзный деятель Покровский, жена которого была переводчиком с испанского языка во время гражданской войны в Испании у какого-то очень важного лица из СССР. Жила и профессор истфака ЛГУ Н. Н. Калитина. А в Южном корпусе, находившемся в Калужском переулке, жили известные историки, как, например, А. И. Молок.

У отца была здесь отдельная комната, куда он перевез с Баскова переулка, 35, где он до того жил со своей семьей, свою библиотеку. Тут стоял диван, на котором я лежал днем, будучи больным. А таковым я в те годы был примерно половину времени. Помню спор отца с врачом-еврейкой, которая

высказывалась в защиту сионизма. Между тем отец утверждал, что евреи имеют право на безопасное проживание в любом месте, а не только в Палестине. Помню, как он обнимался с невысоким мужчиной, которым, наверное, был его брат Михаил, приехавший из казахстанской ссылки, может быть, незаконно. После этого он вскоре там и умер.

С третьего класса я учился в школе, находившейся на углу Тверской улицы и улицы Красной конницы, где закончил до начала Отечественной войны шесть классов. Рядом создали интернат для испанских детей, которые учились в отдельных помещениях. Каждый советский ученик должен был иметь испанского друга. И у меня был такой, которого звали как-то на русский лад Фитоша. Но интересно, что когда мы были рядом, посторонние люди принимали за испанца меня — наверное, так сильно проявлялось мое сефардское происхождение (т. е. от евреев из Северной Африки). А он был тихим, светленьким, во всяком случае в сравнении со мной.

Кстати, уже в зрелые годы меня многие считали типичным армянином. А в 1949 г., во время пребывания на отдыхе в Гаграх с первой женой, ее братом и мамой, я подвергся чуть ли не нападению со стороны армян за то, что я якобы изменяю их национальности, прикидываясь евреем. Да и в наши дни милиция иногда смотрела на меня весьма пристально, подозревая мою принадлежность к «кавказской» национальности, раздумывая, проверять мои документы или нет. А уж молодые люди, действительно принадлежащие к ней, в метро при виде меня зачастую вскакивают, предлагая место.

Надо упомянуть, что в нашем классе училась Ира Шишова, которая стала известным историком-античником. Училась и Таня Предтеченская, дочь историка А. В. Предтеченского. Учился и Рой Тюльпанов, сын профессора С. И. Тюльпанова, заведывавшего кафедрой на экономическом факультете ЛГУ. Дружил я с Авой Белоцерковским, жившим в домах для военных на улице Воинова. Помню его мать, отца, вернувшегося из заключения. Что с ними со всеми стало, не знаю.

В 1937 г. в стране арестовывали и расстреливали ведущих военных деятелей. И строго в соответствии с этим в школьных учебниках истории мы систематически на их портретах

рисовали тюремную решетку. А дома появился «Краткий курс истории ВКП(б)», который мать была обязана изучать на работе. Ознакомившись с ним, отец сказал ей: «Больше никогда не показывай мне эту лживую книгу». Его смерть была неожиданной, так как он вроде до этого не болел. Хотя сердце у него давно было больное. Поэтому, когда в доме на Тверской ему предложили первый или пятый этаж, он выбрал первый из названных. Умер он через 20 минут после перенесенного сердечного приступа, возможно, тромба. «Скорая помощь» приехала тогда, когда все было кончено. Лекарства под рукой не оказалось. Потом нашли нитроглицерин заброшенным за шкаф. Так что его смерть чем-то была похожа на самоубийство. Может быть, это и так, возможно, этим он спасал свою семью. Ведь была выслана, арестована большая часть его знакомых, многие родственники. В протоколах их допросов его имя не раз фигурировало чрезвычайно опасным образом. Среди выступавших у его раскрытой могилы на Еврейском Преображенском кладбище запомнился очень скромного вида худощавый человек. В отличие от всех других он говорил, что называется, с душой, весьма проникновенно. Через много лет я узнал, что это был племянник его первой жены Ю. Б. Харитон — в будущем «отец» атомной бомбы. Выступали также представители Архивного управления, которое тогда относилось к НКВД, в котором отец последние годы жизни работал в качестве ученого редактора.

Следуя примеру взрослых, я рано начал читать газеты. Переживал за бои в Испании против фашистов, в Китае против японцев. Рисовал какие-то схемы. И вдруг поворот — дружба с фашистами. Понять это своими детскими мозгами не мог. Помню, шли с матерью, и над зданием консульства Германии (теперь это вроде «Дрезденер банк») увидел развевающийся по ветру огромнейший флаг со свастикой. Я ужаснулся этому. А мать оглянулась и зашептала: «Тише, тише, так теперь положено».

Война с Финляндией в 1939–1940 гг. мало повлияла на нашу жизнь. Помню только затемнения, опасность вражеских воздушных налетов. С опаской говорили о больших потерях наших войск. И эти сведения в основном проникали через медиков,

мобилизованных в связи с огромным потоком раненых и обмороженных. Все это свидетельствовало о полной нашей неподготовленности к войне, об отсутствии квалифицированного командования в связи с массовыми арестами командиров. Пропаганда в газетах короткой победоносной войны быстро прекратилась, сменившись рассказами о якобы совершенных финнами зверствах, затруднявших продвижение наших войск. Самоотверженная борьба финского народа за свою независимость преподносилась как фанатизм.

А осенью 1940 г. от учреждений делались автобусные «вылазки» их сотрудников в леса завоеванной части Карельского перешейка для сбора грибов и ягод. Один раз я участвовал в ней со своим дядей Семеном, работавшим в Дизельном институте. Там впервые я увидел брошенные финнами дома, все добротные, с разными запасами, правда, в основном уже разграбленными. Как это контрастировало с пропагандистской ложью о бедствиях финского народа! В Териоках (Зеленогорске) все было разбито. И среди этих развалин чудом уцелевший гастроном с прилавками из гнутого стекла, что больше всего меня поразило. А в лесах взорванные доты, грибы и сладковатый трупный запах.

Я очень много болел до войны: дифтерит, скарлатина, мышечный ревматизм. А потом был серьезный менингит. Меня на носилках из дома несли в детскую больницу на Очаковской улице (вроде там тогда работал знакомый отца по Одессе известный детский врач, профессор Мочан). Поместили в палату для безнадежных больных. Делали пункцию: шприцем брали пробу костного мозга из позвоночника. Как сегодня помню мощные руки сестер, которые скрутили меня для этого. Таких рук сегодня и не найдешь, наверное. Раздвоение зрения долго было: провод на стене один, а я вижу два. Вскоре все это каким-то образом прошло. Однако в шестом классе из-за этого я почти не учился. Но началась война, и учебу в нем мне зачли.

Будучи уже взрослым, при заполнении медицинских карт я должен был перечислить перенесенные болезни. Но мне никогда не давали возможность сообщить этот перечень до конца. Видимо, считали, что я начитался медицинских справочников.

2. Военные годы

На лето 1941 г. была снята моей матерью комната в Токсово совместно с ее двоюродной сестрой, матерью Саши Беленького (потом театрального и телевизионного деятеля Александра Белинского). В день начала войны, 22 июня 1941 г., вечером мы все срочно уехали в Ленинград. Участвовал в копании траншей (щелями называли) в Таврическом саду, которые якобы должны были спасти нас всех в случае бомбежки. Смотрел, как устанавливали орудия зенитных батарей, как двигались ближе к Смольному звукоулавливатели на грузовиках, которые должны были предупредить о подлете вражеских самолетов, как возводили из досок ярко-желтый дом на площади перед Смольным, который должен был отвлечь внимание вражеских пилотов от настоящего здания. Кругом говорили о непродолжительности войны, скором разгроме врага. А я в группе детей (видимо, 25 июня) наблюдал из Калужского переулка, как высоко в небе летел над городом вражеский самолет-разведчик, который, может быть, заснял и нас. По нему был открыт массированный огонь зенитных орудий. Но он летел выше, чем рвались снаряды, и, видимо, благополучно улетел. Даже на меня это не могло не произвести впечатления какого-то нашего бессилия. Несколько успокаивали пузатые аэростаты воздушного ограждения. Каждый из них держали за веревки и несли шесть или восемь женщин. Они должны были препятствовать полетам вражеских самолетов на бреющем полете, затруднять прицеливание при бомбометании. Как пишут, за всю войну на тросах к ним потерпели аварию только три вражеских самолета. Но определенную положительную роль они вроде все же сыграли.

В самом конце июня 1941 г. я шел от Невского по Суворовскому проспекту вместе с моим другом Мишей Чигринским и его отцом Павлом Моисеевичем, военным врачом, который проведет все годы блокады в Ленинграде и умрет в День Победы. В это время еще велись работы по асфальтированию этого проспекта, получившего тогда прямой выход на Невский, продолжались как в мирное время. И это меня поразило, так как вокруг только и говорили о строительстве бомбоубежищ, рытье противотанковых рвов и окопов. Я спросил тогда,

почему эти работы не прекратятся, ведь идет война. На это Павел Моисеевич, как истинный старый партиец, защищая власти, сказал, что асфальтирование полезно с точки зрения обеззараживания территории, если начнется химическая война. Но, наверное, эти работы просто не успели еще остановиться, не было нужной команды. И в огромных чанах варился асфальт, распространяя приятный мне запах.

Мы стали готовиться к эвакуации с интернатом детей ленинградских журналистов, фактически от профсоюза работников печати, к которому по работе редактором в Учпедгизе относилась моя мать. Ее сократили и определили в нем воспитателем. 4 июля собирались на Социалистической улице, 14, где находилась редакция «Ленинградской правды». Потом на автобусах нас отвезли на Московский вокзал, погрузили в два или три вагона формировавшегося эшелона с детьми. Провожал нас мой дядя Семен, который тогда сказал по секрету матери (я просто случайно услышал), что немцы взяли Минск. Это меня поразило — карту я к тому времени уже представлял, слышал только о скорой победе. А он узнал это по домашнему радиоприемнику, которые вскоре у всех стали забирать. Они хранились в Гостином Дворе и после войны их возвращали. Мы на поезде чудом проскочили Бологое, где немецкие бомбы превращали в кашу и людей, и вагоны. Повернули на восток и доехали до Ярославля. Там нас поселили во Дворце пионеров, где мы пробыли несколько дней. Недалеко был вокзал, и я запомнил пребывавшие эшелоны с ранеными: в товарных вагонах были сделаны нары в два или в три этажа, на которые задвигали носилки, под которые подкладывались пружинные амортизаторы для смягчения тряски при движении. Раненых на носилках несли и несли. У всех были перевязаны головы, а видневшаяся кожа была черной. Возможно, здесь был специализированный госпиталь для подобных страшных ранений.

Потом нас перевезли по железной дороге до Ростова (Ярославского) (запомнил красивейшее озеро Неро), на машинах до Борисоглебского (запомнил Кремль, около которого проезжали) и далее гужевым транспортом на запад до какого-то села (кажется, Павлово или Осипово). Жили в здании школы. Там один старик из «бывших», как-то уцелевший

от выселений, благообразный, в фартуке, не скрываясь все говорил, что скоро придут немцы — и тогда... С детьми старшего возраста работал в колхозе. Рвали созревший лен. Бригадир, давая инструкции, говорил, что его пучки надо в начале засовывать под одну мышку, а потом под другую. И так нести на склад. За выдергиванием льна нас и сфотографировал один из ленинградских газетных фотографов, который приехал на короткое время проведать свою семью. Эту фотографию потом увидел журналист Розовский, выпросил ее и всю войну носил на груди в полной уверенности, что на ней отображен его пасынок Эдуард Розовский, ставший известным кинооператором, трагически погибшим не так давно. Но можно ли в таком возрасте гнать машину? Эдуард был в нашем интернате со своей матерью по фамилии Меккель. Видимо, это и была его настоящая фамилия. Только после войны выяснилось, что на фото попал не он, а я. Фото мне отдали, но оно как-то затерялось.

Были мы там недолго, так как немецкие войска продолжали охватывать Москву с севера. Они захватили Калинин (Тверь), двигались на Кимры. Так что до нас им оставалось продвигаться километров 80, а может быть, и меньше. Во всяком случае по вечерам в конце октября на западе было явственно видно зарево. На окраине села деревенские женщины из трудовой армии рыли окопы. Мы тронулись в обратный путь: опять на Ростов и далее в Ярославль. Не помню, где мы тогда жили несколько ночей, но вещи все были на берегу Волги в ожидании корабля. Наконец подали «Анатолия Серова», на котором в основном поплыли ленинградские дети, а также и беженцы из Прибалтики. 4 ноября мы прибыли в Горький. Весьма неожиданно наше судно отчалило и поплыло дальше вниз по Волге. Я стоял на верхней палубе, когда увидел над городом (это было часов в 6 вечера), от которого недавно отчалили, огненные вспышки, которых насчитал 18. После этого я пошел спать и был разбужен сообщением, что «нас обстреливают». И действительно, один из самолетов, освободившись от бомб, стал забавляться пулеметной стрельбой по одинокому речному судну. К счастью, имелось всего два попадания в людей. А если бы судно серьезно повредили, в ледяной воде не выжил бы никто из примерно 500 пассажиров.

Как я прочел много позднее, это был первый налет немцев на Горький. Из имеющихся подробных описаний можно понять, что бомбили в основном автозавод, а также и другие предприятия, срывая производство танков и другой военной техники. Читал, что позже в таких случаях из Москвы туда сообщали, что к ним летят враги. Но уничтожить их не собирались, так как все силы были брошены на защиту Москвы и войск. В Горьком же сбить их было нечем. Потом, правда, появились в небольшом числе зенитные орудия, немного истребителей. Но в целом немцы бомбили город, как хотели, и тогда, и в 1943 г., при этом потерь почти не несли. Между тем, был приказ работу в цехах не прекращать даже при налетах.

Говорили, что конечной целью нашего речного пути должен был быть Молотов (Пермь). И после недолгой стоянки в Казани мы поплыли по Каме. Но в тот год, как известно, зима была ранняя и суровая. Вода в реке начала замерзать весьма рано. И мы сумели доплыть только до Набережных Челнов, тогда небольшого провинциального городка на левом берегу Камы. Но жительство нам определили на правом берегу в селе Тихоново. Как пересекло наше судно Каму с плывущим по ней льдом, не помню. А село это было обычное, как весьма большая деревня, от которой было примерно по 8–9 км до указанных Набережных Челнов, до городов Бондюги (Менделеевск) и Елабуга. Основная часть привезенных детей жила в помещении местной школы, а дети с матерями — в частных домах, конечно, без всяких коммунальных удобств. Надо сказать, что местные жители нас не приветствовали, но, во всяком случае, явно не проявляли неудовольствия. Мужчин рабочего возраста практически не было: все в армии. Похоронки за похоронками приходили, это помню. И тогда женский рев стоял несусветный. Мы, дети, учились в школе, работали в своем подсобном хозяйстве и в колхозе.

Однажды нас послали в татарское село окучивать черную смородину. Один местный начальник почему-то счел меня наиболее подходящим для роли грозного руководителя. Возил меня с собой и, показывая жителям татарских деревень, говорил (по-татарски, конечно), что если они не выполнят план поставок, то я с ними разделаюсь. Трудно мне сказать,

воспринимали ли они это всерьез. Во всяком случае работа с черной смородиной совпала у меня с заболеванием туляремией. И я потом лет десять не мог видеть эту ягоду.

А вообще я в конце 1941 г. в Татарии сильно болел: у меня одновременно было воспаление легких, корь и коклюш. Лежал я в больнице, в Бондюгах, в женской палате, так как в мужских не было мест. И ничего, довольно быстро поправился, хотя коклюш затянулся до наступления весны. Поэтому в тот год я не учился в школе. Серьезной опасности я подвергся летом 1943 г., когда нас, старших, послали на заготовку дров. Одно дерево спилили, но оно не падало полностью, зацепилось за другое. Чтобы его повалить, стали пилить еще одно. Оно его сбило, как и хотели, но верхушкой перекинулось через него, комель приподнялся, пошел в сторону и догнал меня убежавшего, врезал по спине. Меня на руках несли в деревню. Однако вскоре я пришел в себя. Это место на спине, около правой лопатки, потом довольно часто чувствовалось. (А на военной комиссии врач однажды обратил внимание на некоторую выпуклость на моей спине. Спросил о ней, и я вспомнил об ударе. Так он сказал, что у меня выступ — это костная мозоль на трещине в ребре. Без всякого рентгена определил!)

Директором нашего интерната была Клавдия Андреевна Фадеева, возглавлявшая указанный профсоюз в Ленинграде, потом ее сменила Анна Лазаревна Мойжес, работавшая до этого сотрудником газеты «Ленинские искры». Женщина тактичная, умная. Их роль в организации этого детского учреждения, обеспечении его деятельности была исключительно велика. Иногда приезжали мужья некоторых женщин (например, муж Фадеевой), в основном служившие в армии. Приехал вырвавшийся после года блокады отец моего товарища Натана Певзнера. Весь завшивевший, сильно похудевший (был полный мужчина до этого), озлобленный. Рассказывал, как он участвовал в поимке в Таврическом саду немецкого летчика со сбитого самолета, за что получил награду, кажется, в виде теплого пальто. Он, механик, был приглашен участвовать в ремонте системы парового отопления в Смольном (в городе его уже не было, видимо, оно там было местное). Говорил, что кормили щами столь густыми, что ложка стоймя стояла (с голодухи

и не то покажется). Вот так, мол, там они жили. За пару недель работа была сделана, от его услуг отказались, и он стал голодать на общих основаниях, пока не выехал.

Несмотря на все трудности жизни, детей в интернате старались приобщать к культуре всеми доступными способами, была самодеятельность в разных видах. (В нашем интернате одной из воспитательниц была интереснейшая женщина, Валентина Григорьевна, жена журналиста Марка Гейзеля, трагически погибшего в 1941 г. при переходе каравана судов из Таллинна в Ленинград. Это о ней один автор писал как о «хорошенькой женщине чуть японского типа».)

3. Первые послевоенные годы и учеба в ЛГУ

В начале 1944 г. начался набор рабочих на ленинградские заводы. Записывали 16–17-летних. И в мае этого года я в числе довольно большой группы выехал в Ленинград. По дороге несколько дней прожили в Казани, где для меня самой большой достопримечательностью были трофейные немецкие танки, привезенные для переплавки. Я забирался в них, срывал пластинки с разного рода предупредительными надписями. Собрал, можно сказать, целую коллекцию.

В Ленинграде работал в качестве фрезеровщика на заводе «Пирометр» (на ул. Скороходова) в механическом цехе. Первое время работа была со сменой продолжительностью 11 часов с часовым перерывом на обед в дневную и ночную смену. Потом продолжительность смен несколько сократили. Обработывали детали для потенциометров, вольтметров и других приборов. В начале 1945 г. основными стали детали приборов, необходимых для самолетов-снарядов, которые собирались выпускать для ударов по Берлину. Однако производство их не успели наладить, так что взяли город и без них, раньше союзников, но зато большой кровью. Довольно часто отвлекали рабочих на разгрузку из вагонов угля, картофеля и др. Однажды разгружали вагон очень хорошего картофеля, на что я обратил внимание руководившего нами железнодорожного бригадира. Он на это сказал: «Картофель-то хороший, да дуракам в руки даден». Это фраза потом не раз в жизни вспоминалась, так как поводов для ее использования было немало.

Как-то направили на прополку овощей в совхоз, находившийся в районе села Пудость. Там еще оставались следы войны в виде брошенного немецкого обмундирования, каких-то сумок и прочего. В воздухе чувствовался сладковатый запах от плохо захороненных мертвых тел. Обуреваемый страстью к истории, я набрал всяких нашивок к мундирам, пуговиц и значков. Нашел и рискнул взять немецкую листовку, служившую пропуском при сдаче в плен. В ней рассказывалось, как один перешедший на немецкую сторону наш ефрейтор был в Ташкенте и видел там полное засилье евреев в торговле. Описывалось, как он этим возмущался и т.д. Интересно, что через наш цех зачастую проходили пленные немцы, работавшие на восстановлении разрушенного бомбой части этого завода. И подавляющая часть рабочих относилась к ним благожелательно, даже сочувствовала их бесправному положению, угощала куревом. И это после всего пережитого!

Начальниками цеха, где я работал, были разные люди. Один, как говорят, был псих ненормальный: из-за постоянного естественного блеска моих глаз счел меня пьяным и потребовал освидетельствования в заводской поликлинике. Там долго смеялись, об этом случае сообщили руководству завода. Это я заключил из того, что этот начальник после данного события поглядывал на меня как бы с опаской: наверное, боялся, что я подам жалобу. Наиболее благоприятное воспоминание осталось от начальника Измозика. Он был одним из братьев, руководивших рядом производств в нашем городе и пользовавшихся в те годы определенной известностью.

Помню, как глубокой осенью 1945 г. я шел по улице Воинова от Литейного проспекта в сторону своего дома на Тверской улице. И вдруг в небе увидел северное сияние. Оно было не такое, как рисуют: в виде сияющей ленты. Нет, оно было в виде стрел, которые с боков стремились к зениту, соединялись там как бы в пучок и расходились. И так снова и снова минут пятнадцать. Потом сколько ни спрашивал людей, но все напрасно: не видели они в нашем городе этого небесного явления.

Одновременно с работой на заводе я два года учился в вечерней школе рабочей молодежи, которую закончил в 1946 г. После этого подал заявление о приеме на политико-экономический

(потом экономический) факультет ЛГУ. Вступительные экзамены были сданы вполне прилично, и я был принят без каких-либо препятствий. Как указано в помещенной в данной книге статье о «большом терроре», тогда на первом курсе студенты были распределены по четырем группам: 1-я и 2-я должны были выпускать специалистов по политической экономии, 3-я — знатоков народно-хозяйственного планирования, 4-я — специалистов-статистиков. Я поступал в третью, которая была создана по указанию ректора А. А. Вознесенского явно по согласованию с его братом Н. А. Вознесенским — председателем Госплана СССР. Он же и должен был ею руководить. Было намечено, что студенты нашей группы будут первые два курса заниматься совместно с будущими политэкономами, а затем углубленно изучать те предметы, которые необходимы для их специализации. Но фактически это не произошло, так как инициаторы создания нашей группы были вскоре репрессированы, как и необходимые для этого преподаватели. Поэтому четыре года мы обучались совместно с политэкономами, по той же программе.

Лекции по политэкономии должен был читать ректор А. А. Вознесенский, создатель нашего факультета. Но так как он был загружен своими многочисленными обязанностями, то эти лекции какое-то время откладывались. Вскоре он был назначен министром просвещения РСФСР и уехал в Москву. Так что он успел прочесть нам максимум три лекции. Хорошо помню первую, его самого, красивого, в хорошем костюме, в белоснежной рубашке, весьма важного, очень интеллигентного, с прекрасной речью. Его лекции были по форме почти великолепны. Но по содержанию не могли выйти за пределы марксизма-ленинизма: цитаты, их комментирование, причем в строго заданных рамках. И, насколько помню, только один раз живая мысль проскочила: профессор М. Ю. Бортник в лекции по зарубежным финансам сделал критическое замечание в адрес святая святых — «Краткого курса истории ВКП(б)». Там говорилось, что в отличие от рабовладельца, который имел право убить раба, феодал не мог это сделать в отношении своих крепостных. Так вот этот профессор сказал, что такое определение феодализма страдает односторонностью, что, кроме

того, существовали и глубокие экономические различия между этими общественными системами. Услышав это, я весь сжался. Стал думать: заметили это другие студенты или нет, а если заметили, то донесут или не донесут. Наверное, донесли.

К сожалению, бóльшая часть лучших преподавателей не успела начать свою деятельность на нашем курсе до изгнания. Из положительно зарекомендовавших себя также вспоминаются доцент Е. М. Виленкина, заменявшая А. А. Вознесенского, профессора Я. С. Розенфельд и А. И. Буковецкий. Все глубокие знатоки своих предметов. Преподаватель марксизма-ленинизма И. Левитина хорошо отозвалась о моих ответах на семинарах, когда моя мать ее спросила об этом. Но сказала, что я иногда пытаюсь высказать то, что не положено. Я был удивлен этим, но принял во внимание, стал осторожнее. Остался в памяти преподаватель Л. А. Глушковский, который вел семинары по экономике промышленности. Это был весьма знающий человек. Он рассказывал, что его диссертация была посвящена вопросам строительства Магнитогорского металлургического комбината. Мне было приятно видеть на факультете человека, связанного в научной работе не столько с отвлеченными вопросами, сколько с конкретным, живым делом. И занятия с ним были интересными. Я сокрушался, когда узнал о его увольнении из ЛГУ.

Преподаватель М. Д. Плинер, который вел семинары по политэкономии, запомнился тем, что во время перерывов между занятиями с упоением рассказывал о своей комсомольской юности. При этом одним из наиболее ярких сюжетов было описание его участия во «второй экспроприации буржуазной собственности» (это в конце 1920-х гг.). Тогда он активно занимался обысками у «скрытых эксплуататорах». И они, как он утверждал, давали положительные результаты, помогали большевикам изыскивать средства для индустриализации страны. Он явно считал, что подобные рассказы имеют глубокое воспитательное значение, помогают студентам лучше усвоить предметы семинарских занятий.

Спецсеминар по «ленинско-сталинской теории империализма» вела С. Ф. Михеева. Каждый студент должен был представить ей подготовленную им работу на заданную тему,

которая потом обсуждалась. Моя тема называлась что-то вроде «О сущности фашизма». Я прочел много литературы, широко цитировал антифашистские выступления болгарского коммуниста Г. М. Дмитрова. В срок работу сдал. Прошла некоторое время, но Михеева о ней ничего не говорила. Пришлось спросить самому. И тут ее как-то передернуло, она стала выглядеть даже испуганной, толком ничего не сказала. Только буркнула, что замечаний нет. Моя работа не обсуждалась, но зачет по этому семинару я получил. Чего же испугалась Михеева? Думаю, что все приведенные мною определения сущности фашизма (нацистского типа) один к одному подходили к определению сущности сталинизма. Отрицать что-либо из написанного мною было невозможно. Оставалось лишь умолчать об этом. А, может быть, и уничтожить мою работу, чтобы в случае чего не создавать сложности для самой Михеевой.

В партии я тогда не состоял. Комсомольские собрания проходили довольно мирно, хотя и совершенно бесцветно. Но это только вначале. В последующем же их характер совершенно изменился. Они в основном посвящались всякого рода разоблачениям вслед за партийной организацией, хотя иногда шли и впереди нее. Нам твердили о какой-то особой роли комсомола в тех условиях, о необходимости предельно мобилизоваться в борьбе с «космополитами» и всякими другими врагами советской власти.

Особенно запомнилось «дело Б. Кацмана», который был младше меня курсом и которому я откровенно симпатизировал, как исключительно умному человеку. Он был весьма активен в студенческой научной и общественной деятельности. Но откровенно сказал одному из своих сокурсников и товарищей по комсомолу, что, мол, тому легко будет продвигаться в должностях по общественной и научной линии, а ему — еврею — это будет трудно или даже совсем невозможно. И в этом он завидует ему. Тот, естественно, донес об этом в комитет комсомола, а оттуда передали в партбюро. Кацмана обвиняли в клевете на советский строй, при котором якобы притесняются нации, добавили другие обвинения. В результате комсомольское собрание объявило ему строгий выговор, хотя партбюро настаивало на исключении. Все это произвело на меня самое

тяжелое впечатление, невольно вызвало беспокойство за свою судьбу. Напомнило о необходимости крайней осторожности в разговорах.

Постоянное давление парторганизации и руководства факультета, считавшегося среди других идеологически передовым, приводило к тому, что всякая новая идея не одобрялась в принципе. Зачастую ее боялись на всякий случай: вдруг кто-то усмотрит в ней отступление от официальных установок. Изучение «Капитала» Маркса, на котором зиждились все экономические дисциплины, превращалось в какой-то спорт: соревновались в том, кто большее число раз законспектирует его. Неписаной нормой считалось дважды. Но один из студентов похвастался, что сделал это четыре раза и может показать конспекты. Услышавшие это чувствовали себя посрамленными.

В составе нашей студенческой группы был Вадим Андреевич Медведев, тогда партгруппорг курса, в будущем секретарь ЦК КПСС и член Политбюро. В октябре 1949 г., в самый пик борьбы на факультете со всяческими врагами, он вошел вовремя перерыва в семинарских занятиях в нашу аудиторию, наверно, выйдя из партбюро, и заявил, что «Зака посадили, надо и Гессена проверить». Там, конечно, знали, что с арестованным доцентом С.Д. Заком я жил в одном доме, даже на одной лестнице. Мы довольно часто встречались, так как я ходил в квартиру, где он жил, звонить по телефону, иногда мы беседовали. Заявление Медведева заставило меня похолодеть. Мысли сменяли одна другую. Что это — экспромт или об этом действительно говорили в партбюро? Что-либо спросить не решился. Стараясь казаться спокойным, тут же решил, прежде всего, уничтожить все то, что находится у меня дома и могло бы скомпрометировать меня при обыске. Поэтому в тот день еле дождался конца занятий и поспешил домой. Достал свои дневники, которые вел с начала войны, тетради со стихами. Отобрал оставшиеся от отца письма из США, посвященные вопросам закупки книг в Ленинграде, полученные им в середине 1930-х гг. Достал и трехдолларовую бумажку, оставшуюся от присылавшихся оттуда средств на эту цель. Но как сжечь? Печей в квартире

не было. На кухне была плита, но ее практически не топили, пищу готовили на примусах и керосинках. Пришлось все указанное, включая доллары и немецкую листовку, изрезать ножницами мелко-мелко и спустить в канализацию, а всякие «вещественные доказательства» забросить за какие-то строения.

Конечно, сегодня факт «изрезания» ножницами долларовой бумажки не может вызвать ничего, кроме смеха. Но надо знать то время: что бы я ответил следователям, если бы ее тогда нашли? Ясно, что сказал бы правду. Но кому она тогда была нужна? Нужны были показания, что ее я получил от израильской разведки или от ЦРУ США. И ведь могли выбить такое неправдоподобное признание. Это они хорошо умели. Материалы следствия над преподавателями политико-экономического факультета целиком подтверждают это.

Перед V курсом студентов стали делить на «чистых» и «нечистых». К последним относили, прежде всего, лиц с «неправильной» национальностью. Хотя и не всех. Часть их включили в число «чистых»: членов партии, ветеранов войны. К «нечистым» добавили и студентов основной нации, уж совсем плохо учившихся или чем-то неугодных руководству факультета по происхождению или еще по чему. На нашем курсе всего «нечистых», включая меня, набралось примерно 30 человек, практически треть курса. Нас выпустили по специальности «Экономист», а остальных преподавателями политической экономии и статистиками. Кто и когда производил это деление, осталось неизвестным. Выяснить, почему я попал в эту группу, я пытался. Но мне толком ничего не объяснили. Однако дали понять, что я нахожусь как бы на подозрении, ибо мой брат (по отцу) Владимир Юльевич Гессен, доцент истфака ЛГУ, в 1939 г. был арестован. Я пытался объяснить, что он в 1944 г. был освобожден, преподает в университетах и институтах. Но меня не хотели слушать. А настойчиво настаивать на разъяснении я не решился, считая, что могло быть и хуже. Дело в том, что на факультете не знали о моих кадетских родственниках: особенно об Иосифе Владимировиче и Владимире Матвеевиче Гессенах, а также и о других, часть которых была арестована или даже приговорена к смерти

в советское время. Так что мне в этих условиях лучше было лишний раз не высовываться.

Материалы для дипломного проекта я собирал на заводе имени «Второй пятилетки», выпускавшем в основном машины для печатного дела. Очень помог мне начальник планового отдела, фамилию которого я, к сожалению, не запомнил. Защищал проект, называвшийся «Анализ выполнения производственной программы социалистическими предприятиями», в одном потоке с политэкономами, так как на кафедре экономики промышленности после прошедших разгромов в 1951 г. преподавателей практически не осталось. Но не было квалифицированных преподавателей и по политэкономии. Это хорошо видно из протоколов заседаний образованной для защит комиссии. Какие мне вопросы задавали, неизвестно. Отметили в отчете только грамотное изложение материала. Да и то, наверное, подсказал присутствовавший на защите мой руководитель с завода. Итак, по дипломному проекту я получил твердую «пятерку», что и отмечено в приложении к моему диплому. В нем указано о сдаче трех государственных экзаменов: основы марксизма-ленинизма, политическая экономия и анализ хозяйственной деятельности. По первому я получил оценку «хорошо», по остальным — «отлично». Что касается марксизма-ленинизма, то указанная оценка, видимо, соответствует тому, что и было в действительности. Но политэкономию я точно сдал на «пять», могу поклясться. Однако при заполнении диплома ее снизили. И сделали это по понятной причине: ведь декан С. А. Ильин говорил, что в экономисты перевели тех, кто не желает заниматься этим предметом. А тут — «отлично». Но и в этом случае я не пошел выяснять отношения. Остался вне ареста, и то хорошо. А среди сданных 37 предметов у меня было 25 «отлично», 9 «хорошо» и три «посредственно». Среди «троек» одна была за теоретическую статистику (наверное, плохо подготовился), другая — за физкультуру (без зазрения совести мотал по причине наличия любви с филфака). А третью «тройку» получил, можно сказать, сознательно: сдавал экзамен организатору репрессий на факультете Ильину и прямо-таки не мог себя заставить смотреть на него, а тем более отвечать на его вопросы.

4. Пребывание в Казахстане и на Северном Кавказе

Основная часть окончивших тогда учебу политэкономов заняла места репрессированных или уволенных преподавателей в Ленинграде. Часть уехала по направлениям в другие города. Получили направления и экономисты. При этом мне досталось одно из самых жестких — на мясокомбинат в Алма-Ату, тогда столицу Казахстана. Однако еще до этого в Ленинграде я имел на руках приглашение на работу в один из институтов, занимавшихся организацией бухгалтерского учета (находился в здании бывшей церкви на ул. Белинского). Его руководители хорошо меня знали, так как преподавали нам в университете. Но Ильин категорически отказал мне: мол, есть указание сверху. Как будто оно возникло не с его подачи. Оставалось следовать по назначению. Надо сказать, что тогда (а это была осень 1951 г.) ходили слухи о предстоящем выселении евреев из Ленинграда. Это как-то мне позволяло считать мой выезд из него более обоснованным. Надо сказать, что через ряд лет одна еврейская дама в Риге мне рассказывала, что в этот период ходили по домам какие-то лица. Они представлялись сотрудниками милиции, осматривали квартиры. При этом особенно интересовались наличием вторых выходов, что-то записывали. После их ухода рижане перезванивались, делились своими соображениями о целях их посещения. Высказывали и самые печальные предположения, но это уже, конечно, только при личной встрече.

В Алма-Ате я работал в плановом отделе крупного предприятия мясной промышленности. Но с жильем было плохо. И я обращался по этому вопросу даже к заместителю министра этой отрасли. Сегодня покажется весьма странным, что он принимал меня в два-три часа ночи. Однако тогда все крупные руководители должны были работать в таком же режиме, как товарищ Сталин, который вставал ото сна где-то в 12 часов дня и ложился примерно в 4 или 5 часов ночи. И именно в это время они (правда, не знаю, до какого уровня) должны были быть на своих местах: а вдруг они потребуются товарищу Сталину, вдруг вопросы будут к ним. Дикость, конечно. Представляю, как они вздохнули, когда его не стало и можно было по-человечески отоспаться.

В состав предприятия, где я работал, входило много производств. Одни были приятны для посещения, другие не очень. Совершенно не мог я привыкнуть к обстановке убойного цеха. Насыщенный запах крови, все в крови бойцы. Некоторые животные издают раздражающие душу (во всяком случае, мою) звуки, будучи недобиты. Иногда свиньи срывались с подвешенного пути, к которому их подвешивали за ноги. Тогда за ними бегали рабочие с ножами. Шум, крики, смех, брызги крови. Короче, я старался не заходить в этот цех. Но примерно раз в месяц по очереди я назначался ночным директором и должен был его посещать, хотя бы на короткое время. Мягко говоря, малоприятен был шкурволосяной цех, а также кишечный. Когда я встречал во внерабочее время на улице женщин, которые там работали, то мне казалось, что они пахнут весьма стойкими запахами своих производств. К числу приятных относился пирожковый цех. Горячие пирожки надо было запивать опарой — чуть хмельным раствором, который оставляли для закваски на следующий день. Чудесная вещь!

В консервном цехе наибольшей популярностью пользовались консервы в 320 грамм «Жареное мясо». Прелесть, а не консервы, особенно когда они были горячие после проверки на вздутие! Также ценились мясные консервы в больших банках с содержимым в 800 грамм. Очень вкусные. Они не имели каких-либо надписей и направлялись тогда, как говорили, в Корею для наших и местных войск. Рассчитана одна банка была на завтрак солдат отделения. Именно из этих банок (конечно, пустых) и пили опару. В колбасном цехе вкусного, конечно, было много. Но что особенно запомнилось, так это язык в шпиге. Нежнейшее было сооружение! Помню, что по особому заказу, кажется, для какой-то партийной конференции, приготавливалась в небольшом количестве колбаса с добавлением рома (есть такая в рецептурном справочнике, хотя в продаже не видел). В мешалку с приготовленным мясным фаршем надо было влить содержимое одной бутылки рома. Так ее несли со склада чуть ли не под вооруженной охраной, чтобы рабочие не выпили ее по дороге. И говорили, что благополучно донесли. Все удивлялись этому, не могли даже поверить, что не отпили хоть немного.

Большое впечатление осталось от эндокринного цеха. Попасты в него было чрезвычайно сложно. В нем стояли большие фарфоровые чаны с насыщенным раствором спирта и сахара невероятной крепости, который использовался для приготовления лекарств (мамина, спермина и др.). Какие только поводы не придумывали рабочие и служащие, чтобы попасть туда! Но начальница там была очень строгая, и провести ее было практически невозможно. Кстати, меня почти свободно пускали, так как знали, что к чанам я не притронуся.

Надо сказать, что в Алма-Ате я довольно тесно общался с выселенными туда чеченцами. Понял, что озлобление по отношению к России, к Москве у них в крови. Как повлияли на них последующие события, мне сказать трудно. Живя потом на Кавказе некоторое время, я с ними не встречался. Но думаю, что база для участия их представителей в борьбе за независимость, включая вооруженную, весьма широка и все время воспроизводится.

После Алма-Аты я более двух лет провел на северо-востоке Казахстана — в центре свинцово-цинковой промышленности Лениногорске (бывшем Риддере). Переезд туда объяснялся желанием попробовать себя на самостоятельной работе. Это с одной стороны. С другой — считал, что там мне легче будет выйти из сферы мясной промышленности, стать как бы свободным человеком. Вначале был начальником планового отдела местного мясокомбината, весьма небольшого по сравнению с Алма-Атой. Но воровство, разные махинации там были значительно более развиты. Во всяком случае, будучи начальником, хотя и невысокого ранга, мне приходилось с ними постоянно тесно сталкиваться. Находиться вне этого, да еще сохранять нормальные отношения с людьми, там было весьма сложно. Но воровство начиналось еще вне комбината, в организациях заготовления скота. Именно там возникали истоки наиболее значительных хищений. Например, за счет приема неучтенного скота, занижения показателей его упитанности и др. На самом предприятии направлений хищений было много. Одним из самых безобидных было указание в отчете выпуска пельменей, хотя на самом деле были проданы отдельно

списанные мясо и мука. И все это на фоне ежедневного сравнительно мелкого воровства.

Так что создалось положение, когда мне надо было или сродниться со всей этой системой, или уходить. И я воспользовался предложением перейти на работу освобожденным секретарем комсомольской организации весьма крупного треста с длинным названием «Лениногорсксвинецстрой». Здесь я столкнулся со значительным завышением численности комсомольцев: в действительности их было значительно меньше, чем указывалось в отчетах. Чуть ли не половина молодежи совершенно не хотела участвовать в комсомольской жизни, не платила взносы. Я об этом написал в областной комсомольский комитет, но положительного отзвука не было. Понял, что руководящим комсомольским органам эта ложная статистика была выгодна во всех отношениях. Так что моя деятельность по достижению достоверной цифры действительных комсомольцев не была явно поддержана, хотя и не была осуждена. Наверное, и в целом по стране число комсомольцев было существенно преувеличено, если для его получения суммировали заведомо завышенные исходные данные.

Вместе с членами комитета комсомола этого треста я пытался внести оживление в комсомольскую жизнь. Моя деятельность понравилась. При перевыборах руководства этой комсомольской организации меня просили остаться. Но я упрямился отпустить меня, ссылаясь на болезнь матери, к которой я должен был поехать, и на другие причины. С жизнью в Казахстане я твердо решил кончать.

Еще во время работы на Лениногорском мясокомбинате, как-то проходя мимо железнодорожного вокзала, я услышал по радио о смерти Сталина. Моей радости не было предела. Родовались и мои знакомые немцы, которые были выселены туда с берегов Волги, и другие, особенно бывшие репрессированные. Хотя, конечно, тогда открыто выражать эти свои чувства можно было с опаской. Но, надеясь на что-то новое, чувствуя какой-то душевный подъем, я тогда вступил в партию.

На Северный Кавказ приехал в 1954 г. Жил в г. Орджоникидзе (с 1990 г. — Владикавказ), столице Северной Осетии. Работал в тресте «Севказцветметразведка» старшим инженером эконо-

мического отдела. Посещал многие геологоразведывательные предприятия (Холстинское, Садонское, Буронское, Згидское и др.), бывал на рудниках — в штольнях. Посещал и заводы по переработке руды. Осталось неизгладимое впечатление от Кавказа. Было много знакомых осетин, которые резко отличались в благоприятную сторону от чеченцев по своему отношению к России. С большим сожалением теперь узнаю, что в связи с исчерпанием запасов руды, конкуренцией со стороны более богатых месторождений своих и зарубежных добыча и переработка полиметаллических руд на территории Северной Осетии заметно сократилась. А ведь сколько людей было с ней прямо или косвенно связано!

5. Снова в Ленинграде: работа в институтах «Гипроэнергопром» и «Гипроруда»

По возвращении в 1956 г. я работал примерно год старшим инженером в сметно-экономическом отделе института «Гипроэнергопром» (тогда он находился в Мучном пер.). Посещал предприятия электротехнической промышленности, прежде всего, завод «Электросила». Приучался заниматься проектной работой. Большую роль в ее познании сыграл начальник указанного отдела Пинес. Это был умнейший человек, видимо, окончивший юридический факультет Петроградского университета до 1917 г. Свои ответы на получаемые от сотрудников по работе вопросы он зачастую начинал словами: «Законодатель полагает...».

Но на Кавказе я «заразился» горной отраслью. И потом до конца своей деятельности в проектно-исследовательских и учебных институтах в основном был с нею связан в различных ее видах. Через год мне удалось устроиться в институт «Гипроруда» также на должность старшего инженера в экономический отдел.

Он находился тогда в здании на набережной реки Мойки, 86, в бывшем особняке архитектора О. Монферрана, но захватывал и прилегающее здание по Прачечному переулку. От старины в нем мало что уже осталось. Кажется, только зал, где находился транспортный отдел, да и то в какой-то степени. Там у нас и проходили партсобрания.

Был затем руководителем группы и, наконец, главным специалистом отдела. В основном участвовал в составлении экономических частей технико-экономических докладов (ТЭД) для обоснования строительства новых и реконструкции действующих горнодобывающих предприятий. Занимался последующей разработкой экономических частей соответствующих проектов. В основном это были предприятия железорудной отрасли. Участвовал, например, в проектировании Соколовско—Сарбайского горнообогатительного комбината (ГОК) в Кустанайской области Казахстана (для обеспечения рудой Магнитки), не раз ездил туда. Два огромных карьера производили большое впечатление. Запомнился случай, характерный для проектных работ, можно сказать, в любой отрасли. Дело в том, то при разработке ТЭД расширения Соколовского карьера, т. е. 2-й его очереди, получились весьма значительные суммарные капитальные затраты в расчете на одну тонну годовой мощности по руде, которые превышали первоначальные. Возник вопрос: «Как это может быть: расширение всегда должно быть дешевле нового строительства?» Меня обвинили в неправильных подсчетах. А когда стали разбираться, то оказалось, что я включил капитальные затраты, которые не были учтены в проекте 1-й очереди (другой вопрос: тогда специально или по незнанию?). Я их выделил, отдельно показал, чтобы они не занижали экономическую эффективность расширения карьера. И каждый читающий эти строки, наверное, сталкивался в печати с фактами возрастания стоимости крупных объектов по мере продвижения от проекта к окончанию их строительства. Иногда даже в два раза. Так получилось и тут. Только этот плюс надеялись прикрыть за счет расширения предприятия, которое само по себе якобы должно было быть совсем уж дешевым. Но так не получилось. И руководитель этого проекта заявил, что с моей экономической частью ему надо идти прямо в тюрьму.

Жизнь показала, что раз допущенная липа рождает целый ряд последующих. Так и тут: преуменьшили затраты на 1-ю очередь, пришлось еще больше занижать на 2-ю. Но эти затраты все рано нужны. Тогда в последующие годы придумывали еще какой-нибудь новый проект, предусматривающий

капитальные затраты, не учтенные ранее, только все это уже как бы в прикрытом виде. И на всех уровнях делали вид, что так и надо. Спрашивается: где тут нормальная экономика, как в этих условиях вести экономически обоснованное перспективное планирование?

Весьма отрицательную роль играла и существовавшая система премирования проектировщиков за достигаемые в проекте (именно в нем, а не в жизни!) высокие экономические показатели. И я не слышал, чтобы кто-нибудь когда-нибудь отвечал рублем за недостижение их в дальнейшем. Перед утверждением в вышестоящих организациях проекты давали экспертам, которые обязательно предлагали что-нибудь из капитальных затрат исключить: это был их хлеб — чем больше исключат, тем выше их оплата. Потом было само утверждение, где еще что-нибудь стремились уменьшить. При этом (а потом и в ходе самого строительства) больше всего «доставалось» объектам охраны природы. Их если не исключали полностью, то стремились отнести на далекое будущее. А там...

А что было там, мы все знаем на примере целлюлозно-бумажных комбинатов, построенных на берегах Ладожского озера и Байкала. Используя уникально чистую воду, они обеспечивают себе высокие экономические показатели, сбрасывая при этом в озера недостаточно очищенные сточные воды. Эти комбинаты закрывают и открывают, вредные сбросы сокращают, но все равно не до конца.

Занимался проектированием сырьевой базы Магнитогорского металлургического комбината, ездил на него. Теперь уж никто не помнит, что там ведь все началось в начале 1930-х гг. с разработки запасов железной руды горы Магнитная. Но к тому времени, что я там был, гору давно «съели», на ее месте был карьер, в котором запасов руды оставалось все меньше и меньше и ее возили из Казахстана. Помню, там ночевал в старой деревянной гостинице, выходявшей окнами на доменный цех. Когда-то все это было более или менее прилично: доменные печи были небольшими, вредного газа не так много. Но потом построили на их месте громадные, разных вредных выбросов от них было в разы больше. По этой причине окна в гостинице не открывались, но все равно дышать было просто

нечем. Наверное, вскоре построили новую, подальше от домен. Но тогда... Кстати, и старая часть жилья в Магнитогорске оказалось в не на много лучшем положении.

К сожалению, расстояние от производств до жилых построек было чрезмерно близким не только в стройках 1930-х гг., но и последующего периода, хотя, конечно, уже не так рядом. А вообще, из всего виденного мною на территории СССР первенство по степени загазованности принадлежит Запорожью, где я был при посещении криворожских железорудных предприятий. Но и нельзя сказать, что это только у нас. Будучи в турпоездке в Чехословакии, выглянул за черту города Кладно и ужаснулся тамошней экологии. А потом ехали мы на автобусе дальше через ЧССР в ГДР и увидели на большом протяжении скелеты лесов — результат использования германских высокосернистых бурых углей. Скажу вам, страшная картина.

Участвовал я и в проектировании расширения Баженовских асбестовых рудников, входивших в состав треста «Союзасбест» (г. Асбест на Урале). Ездил в 1958 г. туда для сбора исходных экономических данных, был на одном из карьеров, на обогатительной фабрике. С некоторых пор считалось доказанным вредное воздействие асбеста на человека. Сфера его использования была существенно сокращена. Наверное, уменьшили и добычу руды. Однако добываемый у нас асбест типа «хризотил» считается наиболее безопасным. Сейчас пишут, что многие страхи были напрасны, для определенных целей его можно и нужно использовать. Впрочем, это не наша тема.

Приехав на указанное предприятие, я был поселен в старую (как в Магнитогорске!) деревянную гостиницу. Спал на хорошей кровати, на которой, как мне сказали тамошние служащие, спал Л. М. Каганович, когда прибыл в Асбест в качестве управляющего, пока ему не дали квартиру в кирпичном доме. Но я, надо сказать, спал, как всегда без сновидений, ничто меня не беспокоило.

После смерти Сталина Л. М. Каганович был постепенно снят со всех своих высоких постов и, в конце концов, в 1957 г. направлен управляющим треста «Союзасбест». И ушел отсюда на пенсию в 1959 г. О его пребывании там очень подробно

написал С. Парфенов в работе «Железный Лазарь: конец карьеры» (Родина. 1990. № 2. С. 74).

К его описанию могу добавить, что сам слышал там о Л. М. Кагановиче много всяких суждений, которые в основном относились к полному отсутствию в нем понимания обычной для нас жизни. Так, например, говорили, что когда в Доме культуры перед собранием он впервые в жизни сдавал пальто на вешалку, то не мог понять, к чему ему дали номерок и куда его деть. Или что, выступая на партийной конференции в Свердловске, он сказал, что поведет асбестовую промышленность по ленинскому пути. В Обкоме партии поинтересовались, что это за путь в данном случае. Но что он ответил, мы не знаем. Видел его однажды входящим в здание управления треста (оно тогда было деревянным, двухэтажным). Сидевшие на скамейке рабочие учтиво встали. Он поднял руку, как на трибуне. Но мне хотелось увидеть его лично. И я пришел в указанное здание часов в шесть вечера. И надо же, он как раз захотел посетить туалет. Никого в коридоре не было. Он вышел из кабинета и направился туда. Я сказал: «Здравствуйте, Лазарь Моисеевич!». Он вроде кивнул. Вот и вся встреча. А вообще ему там трудно было с людьми, а им с ним, что вполне естественно.

Меня в «Гипроруде», кроме выполнения работ по проектированию, все более втягивали в разработку перспективных планов развития железорудной отрасли. Вначале это были планы на пять лет, а потом и на отдаленную перспективу: на двадцать лет и даже более. Обычно их предварительная разработка начиналась здесь, на месте на основе полученных указаний о потребности в руде, которые подготавливались в Москве в «Гипрометезе». После первичной подготовки материала разработка плана продолжалась в столице в Главном управлении горнорудной промышленности Министерства черной металлургии (Главруда), затем — в подотделе сырья отдела черной металлургии Госплана СССР. После этого данные по отрасли поступали в «Гипрометез». Там это все проверялось с точки зрения металлургов и сводилось в целом по министерству. Далее «Гипрометез» с нашим участием рассматривал весь проект в отделе черной металлургии Госплана СССР. Примерно такая была схема действий. Однако в жизни все это, бывало,

нарушалось вследствие получения дополнительных указаний от вышестоящих органов, часто отменявших предыдущие, особой срочности выполнения отдельных заданий. При этом основной частью работы был расчет потребных капитальных вложений на перспективу, на которые давался определенный лимит. Иногда мне приходилось находиться в Москве без перерыва до одного месяца (больше просто нельзя было), переходя из одной организации в другую. Зачастую было необходимо выезжать подряд каждую неделю, находясь в Москве по 2—3 дня. Конечно, работа эта была весьма интересной, приводила к необходимости общения со многими специалистами.

У меня установились особо тесные связи с экономистами геологического отдела министерства. Мне предложили работу в Москве. Стоял вопрос о выделении мне жилплощади. Но один из новых больших начальников, как говорили, даже не стал его рассматривать: только увидев на папке мою фамилию, он отложил ее в сторону. Однако какой тонкий нюх был у товарища! Тогда я был очень огорчен. Но потом понял, что это было к лучшему.

Определенные сложности создавало наличие в Москве, кроме Госплана СССР, еще и Госэкономсовета. Твердо понять, кто чем занимается, за что отвечает, было весьма трудно. Вроде бы последний из названных органов занимался краткосрочным планированием, а первый — долгосрочным. Но это не точно. Из имеющейся литературы я это и сейчас не могу взять в толк. Во всяком случае тогда, например, сотрудница Зоя из Госплана звонила в Госэкономсовет и спрашивала: «Маша, ты какую цифру поставила данному предприятию на следующий год?». Та отвечала. Но в другом случае уже звонила Маша и задавала аналогичный вопрос Зое. Иногда завязывался между ними спор, выяснялось, кто самее. Скажу лишь, что мы, занимавшиеся перспективным планированием, всегда боялись, что нам придется все разработки согласовывать еще и в Госэкономсовете. Но вроде судьба миловала. Хотя, возможно, на более высоком уровне какие-то согласования были.

Указанная система хорошо или худо действовала при наличии министерств, т. е. до образования совнархозов, а также

и после их ликвидации. Но в 1958 г. их образовали, ликвидировав министерства. Общегосударственный принцип отраслевого руководства отраслями был потерян. Существенно осложнилась и наша работа, так как все предложения теперь приходилось согласовывать в Совнархозах. Вместо министерств в Москве образовали государственные комитеты, укрупненные. Например, теперь был Госметаллургкомитет, включавший и черную, и цветную металлургию (раньше и потом были два отдельных министерства). Правда, и это для нас было очень важно, остался головной проектный институт (в данном случае «Гипромет»). Но им, т. е. Госкомитету и тому же «Гипромету», а с ними и нам, приходилось обращаться к предприятиям за согласованием перспективы развития и по другим вопросам через территориальный Совнархоз (вроде как бы почесать правой рукой левое ухо). Хочу подчеркнуть, что когда я первый раз в 1958 г. пришел в наш Госкомитет, то увидел у начальников девственно чистые столы. Ни одной бумажки, да и многие должности занимали люди совершенно новые. Все начиналось как бы с нуля. Хорошо еще, что часть бывших сотрудников министерств при всех пертурбациях тогда и в дальнейшем как бы только переходила из-под одной вывески под другую, сохранив не только знания в своих головах, но и все бумаги (ведь компьютеров тогда не было!). На этом потом все и держалось. Именно к ним новые люди, включая и многих новых начальников, которым пришлось немало времени учиться, обращались по всем вопросам.

Заметим, что в начале 1960-х гг. в системе совнархозов начался процесс укрупнения и централизации, их число сократилось со 105 до 43. В марте 1963 г. создан ВСНХ СССР, на который были возложены функции руководства деятельностью совнархозов через республиканские советы министров. Потом произошла отставка Н. С. Хрущева, в октябре 1965 г. стала восстанавливаться система министерств. Все это создавало немалые трудности в нашей работе по перспективе. Опять в Москве появились новые начальники, опять мы увидели чистые рабочие столы. Видеть это все было весьма печально.

Не претендуя на глобальные выводы, хочу все же высказать мнение, что главной причиной создания мощного

противостояния Н. С. Хрущеву был все же переход к совнархозам. И именно это, а не кукуруза или разделение обкомов партии на две части. Тут не ограниченная ничем власть уходила из рук партийной и административной московской верхушки. И смириться с этим эта верхушка никак не могла.

Все сказанное неслестное о начальниках, конечно, не относилось к директору «Гипроруды» Павлу Евдокимовичу Следзюку, который бы переведен из Ленинграда в Москву и назначен начальником Главруды в возрожденном Министерстве черной металлургии в 1965 г. Он явно выделялся на общем фоне руководителей как ценный самородок среди грубых камней: знающий, инициативный, весьма быстро разбирающийся в людях, с большим опытом практической работы. Теперь он мне невольно напоминает Черномырдина по богатству использования различного рода афористических выражений, к сожалению, большей частью непечатных: что делать, он же был из настоящих горняков.

Надо сказать, что обо всем этом я вспомнил тогда, когда через много лет в масштабах огромного государства проводились в жизнь серьезные экономические решения вроде, скажем, пресловутой монетизации. Ну, можно ли было так сразу, без серьезной подготовки населения проделать такое, хотя и, безусловно, нужное в экономическом плане мероприятие? Конечно, в масштабах Люксембурга, наверное, можно было устраивать такую чехарду. Но у нас...

Надо сказать, что в дальние командировки мы летали на тихоходных ЛИ-2, ИЛ-12 и Ил-14. И вот в конце 1950-х гг. появился реактивный самолет ТУ-104. Этот был для нас праздник. Как он нам нравился, сказать даже трудно. А как там, особенно первое время, кормили! Бифштексы и все такое прочее. Предлагали вино или водку. Некоторые командировочные при этом, особенно за счет непьющих, умудрялись накачиваться здорово. Но это роскошество продолжалось недолго. Потом все было скромнее. А бесплатный алкоголь исключили весьма скоро. И все же старик ЛИ-2 оказался мне очень кстати в 1959 г., когда мы летели в Читу на конференцию по развитию производительных сил Восточной Сибири. Тогда до Иркутска полет был на ТУ-104. А дальше еще не было для него подходящего

аэродрома, и летели на ЛИ-2. Высота полета была не такой большой, и прекрасно был виден Байкал, особенно его южная часть. Удовольствие получил колоссальное.

б. В «Гипроникеле» и в научно-исследовательских институтах

Постепенно мои отношения с руководителем нашего отдела в «Гипроруде» начали портиться. А дело было в том, что я поступил в заочную аспирантуру по кафедре экономики горной промышленности Горного института. Возникла какая-то непонятная ревность. Меня стали обвинять в том, что, мол, теперь Горный институт начнет выкачивать из нас сведения об отрасли. Абсурд, конечно. Я решил перейти в институт «Механобр», с которым по работе весьма часто контактировал. Но директор моего института этому воспротивился.

Удалось в 1966 г. тогда перейти в институт «Гипроникель». Начинать работать в его научной части, находившейся на Гражданском проспекте, где теперь находится институт в целом. Занимался в основном экономическим обоснованием реконструкции Уфалейского никелевого завода. Но вскоре меня перевели в проектную часть, находившуюся на Невском проспекте, где станция метро «Невский проспект». Значительный объем работ был проделан по выполнению проектов расширения рудной базы Норильского никелевого комбината. Для сбора исходных данных в июле 1967 г. я был туда послан в командировку и пробыл там не менее 15 дней. Получал необходимые сведения в Горнорудном управлении, в Главной бухгалтерии. Вел беседы со многими ведущими экономистами предприятия. Посещал рудник «Медвежий ручей» и обогатительные фабрики, был на никелевом заводе, наблюдал разлив никеля в изложницы. И надо отметить, что это зрелище навсегда осталось в моей памяти: разлив этого металла по красоте далеко превосходит разлив меди, чугуна и стали, которые я видел. Прямо-таки зачаровывающее зрелище. Самый центр Норильска по архитектуре несколько напоминает Петербург. С непривычки поражают теплотрассы, проложенные по поверхности (так положено в этих условиях). Выходил за черту города посмотреть тундру. Увидел, что все вокруг завалено бутылками. Говорили, что экономически

невыгодно их вывозить. Но, мол, кто-то пару барж подготовил на Енисее в Дудинке. Однако ведь надо эти бутылки еще собрать и к реке вывезти. Так, наверное, и лежат они по сей день. При неблагоприятном ветре город явственно ощущал сернистый газ с металлургических предприятий. Не лучшим образом это отражалось и на тундре.

А многие люди там были весьма интересные. С геологами тесно общался. Один из них — Додин — варил грог. А главный бухгалтер Горного управления оказался бывшим заключенным Норильских лагерей. Много рассказывал о них, что, к сожалению, я не записал. А вот помню, что он лечился от алкогольной зависимости в каком-то престижном учреждении где-то под Москвой. Называл многих известных лиц, которые через него прошли. Запомнил только Михаила Шолохова. И надо же, этот бухгалтер вылечился, больше никогда не пил. А погода в мой приезд (вернее, прилет) была в Норильске не совсем обычная: жара стояла градусов тридцать, что бывает летом далеко не всегда. Народ радовался, купался в озере Долгом (это водоем технической воды для ТЭЦ), хотя и раньше это не поощрялось. Ночью с непривычки мне не спалось. Встал: среди ночи солнце в зените, дети бегают на улице, кричат.

В июле 1967 г. в Горном институте я защитил диссертацию с присуждением ученой степени кандидата экономических наук на тему «Особенности калькулирования себестоимости железной руды при открытом способе разработки месторождений». Моим руководителем был заведующий кафедрой экономики горных работ Орест Борисович Бокий (1907–1973), известный ученый и прекрасный педагог. Оппонентами были заведующий кафедрой политической экономии этого института Ю. В. Яковец и доцент ЛПИ И. Я. Гольмшток. Этому предшествовали мои публикации по экономике в сборниках докладов и в журналах в общем количестве около двадцати. Основное значение в диссертации уделялось методам погашения затрат на вскрышные работы на карьерах железных руд. Интересовали меня вопросы амортизации, учета затрат на ремонты по отдельным его видам.

После защиты Ю. В. Яковец предложил мне перейти в Ленинградскую лабораторию НИИ по ценообразованию, которую он

возглавил. Она находилась в помещении ЛФЭИ и была тесно с ним связана. Я согласился и 3 января 1968 г. перешел туда. Занимался различными вопросами и, прежде всего, ценообразованием в условиях комплексной переработки сырья на предприятиях черной и цветной металлургии. Подготовил ряд докладов на эту тему. После того, как Ю. В. Яковец переехал в Москву на должность директора указанного НИИ, эту лабораторию возглавил В. Е. Есипов. Но я пробыл в ней недолго: просто мне было там скучно без телефонных звонков со срочными заданиями, без вызовов к начальству. Понял, что привык к проектной работе со всей ее суетой, мелкими и крупными неприятностями.

22 декабря 1969 г. я приступил к работе во Всесоюзном научно-исследовательском институте галургии (ВНИИ галургии) (поясним: галургия означает соляное дело) в должности начальника отдела технико-экономического анализа, в которой пробыл до конца 1973 г. После этого в институте началась «перестройка», экономистов из науки соединили с проектировщиками, потом, правда, снова разъединили. Я же с этого времени занимал должность заведующего сектором прогнозирования, главного специалиста. Не хочется об этом писать, но тут сыграло свою роль и то, что одного из бывших моих дипломников (а я руководил много лет ими, посылавшимися мне из Горного и Финансово-экономического институтов) при поддержке некоторых органов избрали секретарем парторганизации института и для подкрепления его положения сделали начальником экономического отдела. В качестве основания ссылки на органы могу сказать, что однажды я имел неосторожность ему сказать, что на моем садовом участке слышимость передач по иностранному радио гораздо лучше, чем в городе. Через сутки она стала одинаково плохая.

Наш институт был головным по научным исследованиям и проектированию калийной, соляной и сульфатной промышленности. Кроме того, занимался проектированием предприятий по добыче серы и апатитов. Я участвовал во всех видах проектных работ. Особенно большое значение имели проекты калийных комбинатов Четвертого Березниковского (на Урале) и Четвертого Солигорского (в Белоруссии). Это были новые

стройки, рассчитанные на производство высококачественных удобрений для экспорта. Но занимались и действующими рудоуправлениями комбинатов «Сильвинит» (Соликамск), «Уралкалий» (Пермская обл.) и «Белорускалий» (Солигорск). На всех этих предприятиях я не раз бывал, спускался в шахты, посещал обогатительные фабрики. Надо сказать, что в проектной работе наибольшее внимание уделялось предприятиям, продукция которых предназначалась для экспорта удобрений, особенно в развитые капстраны. Похуже продукцию направляли в соцстраны или оставляли себе. После начала перестройки мне ретивые коммунисты говорили, что вот капиталисты вывозят все наши удобрения. Объяснял, что мы специально для них строили указанные выше два комбината. Кстати, тогда активно вывозили и фосфорные удобрения. С другой стороны, валюту надо было где-то брать, не экспортировать же автомашины «Волга». А Газпрома с его трубами тогда не было.

Продукцию Стебниковского калийного завода рассылали по колхозам чуть ли не насильно. Говорили, что в некоторых из них эти удобрения закапывали в землю. Я был на нем. Убедился, что он был создан в 4 км от курорта Трускавец: их разделяла невысокая гряда холмов. И иногда ветер заносил туда вредные выбросы с обогатительной фабрики. А еще говорили, что его создали для того, чтобы начальство могло бесплатно жить в построенной там гостинице и пить целебную воду на курорте. Кстати, я в этом лично убедился во время командировки, встретив там знакомых из Москвы и Ленинграда. Заметим, что после 1965 г. многие имевшиеся и возникавшие недостатки в работе сваливали на ликвидированные совнархозы. Это было модно. Так и создание этого весьма вредного предприятия относили на их счет, хотя, как мне представляется, его начали строить еще до них.

А в калийных рудниках было сухо и чисто, не то что в железорудных, где вечно что-то льет. Стены и потолки красно-розовые с белыми прожилками, как в Москве в старинных кирпичных хоробах. И чем богаче калием была руда, тем они красивее. Правда, со временем они вбирают в себя из воздуха всю пыль от взрывов, грязь от транспорта, буреют. Это их

свойство ведет к очищению воздуха, делает его целительным против астмы, например.

Но эти рудники смертельно боятся воды. Все делается для поддержания кровли, для этого оставляют большие целики калийной руды. Но, как говорили, некоторые диссертанты предложили их уменьшить. И доуменьшались: кажется, в 1985 г. рассолы хлынули в рудник третьего Березниковского рудоуправления, и добычу руды там прекратили. В шахты закачивали бетон, что бы пресечь ее распространение. К чему я это говорю? Была наука, академии, институты, профессора. Где они были? И никто собственно не отвечал, во всяком случае материально: ведь руда в земле никому конкретно не принадлежит и цены не имеет. Одно слово — народное достояние.

Готовя это очерк, с удивлением узнал, что в 2005 г. упустили воду (деликатнее сказать — рассол) в рудник первого Соликамского рудоуправления, и его закрыли. А в оправдание написали, что причина в особых условиях данного месторождения. Но ведь его изучают скоро 100 лет. Сколько же столетий еще надо, чтобы познать его?

Во ВНИИ галургии я также участвовал в проектировании расширения рудной базы комбината «Апатит» на Кольском полуострове. Несколько раз собирался туда съездить, но так и не пришлось. Жалею безмерно. Правда, ездил далеко на юг для сбора данных — на комбинат «Карабогазгол». Что сказать: уникальное место, интересно само производство, но это надо видеть. Был и в самом центре пустынь Туркмении — на Гаурдакском серном заводе, когда проектировали расширение его рудной базы. Своя специфика, свои сложности.

Занимался и проектированием предприятий по добыче поваренной соли. Для согласования возникавших вопросов ездил в Одесский филиал «Гипропищепрома», головной по этой отрасли. Помню, приехал вечером, а утром на следующий день в этом институте был встречен вопросом: «Как Вам нравится наша красавица Одесса?». Что было ответить, если ответ был в самом вопросе? Много там было очень интересных специалистов, с которыми длительное время поддерживали отношения: и служебные, и личные. И как-то на удивление вдруг они почти все разъехались: кто в США, кто в Германию.

Практически все годы работы во ВНИИ галургии я занимался исследованиями по перспективе развития калийной промышленности. Конечно, это происходило не все время, а носило характер компаний. Так, к концу 1972 г. был разработан долгосрочный прогноз ее развития, и мне была объявлена благодарность за «активное участие и оперативность выполнения». К концу 1978 г. была закончена разработка материалов к шестому тому «Агропромышленного комплекса» по комплексной программе АН СССР и ГНТК СССР, касавшихся вопросов научно-технического прогресса. И 24 апреля 1979 г. мне была объявлена благодарность за выполнение этой работы. 19 мая 1981 г. за долготелную безупречную работу, большой вклад в развитие калийной промышленности был награжден Почетной грамотой Министерства по производству минеральных удобрений и ЦК профсоюза работников химической и нефтехимической промышленности. 10 ноября 1986 г. был награжден медалью «Ветеран труда».

Так вот, в своей жизни я работал над перспективой развития двух добывающих отраслей последовательно в двух институтах. А какова ценность ее, как она будет смотреться через энное число лет? Очень было бы интересно знать. А как-то в РНБ на витрине увидел ряд изданий, которые раньше находились в сфере документов для служебного пользования. И среди них была весьма толстая книга, посвященная перспективе развития экономики СССР на ближайшие 30–40 лет, под редакцией академика Т. С. Хачатурова, выпущенная где-то в 1975 г. Ознакомился с ней. И что вы думаете? С позиций сегодняшнего дня, что ни прогноз, так пальцем в небо. Прямо смешно читать. А еще столько лет держали в секрете от широкой публики. Даже жалко стало тех людей: ведь так, наверное, трудились.

Между прочим, перспективой последние годы занимается и мой бывший оппонент Ю. В. Яковец, правда в глобальных масштабах. Теперь он президент Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева и Ассоциации «Прогнозы и циклы», вице-президент Международного фонда Н. Д. Кондратьева и Академии прогнозирования, член Всемирной федерации исследований будущего. Надо бы посмотреть, как он рассматривает экономическую перспективу.

Ну, а как на его прогнозы посмотрят через 30–40 лет, к сожалению, мы также не узнаем.

Членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС я видел в непосредственной близости два раза. Первый раз — это упомянутый Л. М. Каганович. А второй — это В. А. Медведев, о котором я также уже говорил. Я встретил его в Москве на Ленинградском вокзале примерно в 1993 г., когда ждал отправления поезда. И вдруг, смотрю, идет он, один, уже как простой человек, давно не занимавший этих постов. Мы нос к носу встретились. Он, конечно, узнал меня, как бы приветствовал. Я сказал, чем в основном занимаюсь, в частности историей евреев в Петербурге. Тогда задал мне вопрос: «Так как же, скажи мне, появились евреи в России?» Я был ошарашен таким вопросом. Подумал: «Ты занимал такие посты, командовал идеологией в стране — и не удосужился выяснить для себя столь важный вопрос, который весьма многим был всегда интересен?» Но, конечно, серьезно отвечать на него на скорую руку, в обстановке вокзала, я не стал. Так, отшутился и скорее распрощался.

Надо сказать, что мне много лет хотелось выйти из коммунистической партии (это в первую очередь), потом уйти с государственной службы, прекратить заниматься экономикой с выходом на заранее заданные результаты, заняться историческими вопросами. Особенно мне надоели занудные партийные собрания, жалко было бесцельно проведенного на них времени, когда надо было делать вид, что занимаешься чем-то очень важным. Но совершенно уникальный случай произошел на одном из них, когда Н. С. Хрущева только-только сменил Л. И. Брежнев. Один сотрудник института, узнав об этом событии, в кругу других неосторожно выразился в том смысле, что «и такого дуба поставили на такой пост». Конечно, сразу в парткомитет о его словах донесли (сталинская закалка была еще жива!). А сказал он это не так просто: он знал Л. И. Брежнева по работе в Молдавии, так что имел все основания для такого заявления. Его вызывали на заседания парткома, мытарили-мытарили, даже хотели рекомендовать исключить из партии. Вынесли вопрос на рассмотрение партийного собрания. Он пытался доказать, что его не так поняли, что он хотел характеризовать нового вождя как человека крепкого, мощного.

Принес даже словарь Даля, открыл страницу со словом «дубовый», всем ее показывал. Сейчас, конечно, смешно. Но тогда нервы человеку изрядно потрепали, и выговор он, конечно, получил — за «непартийное поведение».

Даже интересно вспомнить, как нас, по разнарядке из райкома партии, гоняли из «Гипроруды» в рабочее время на встречу различных руководителей социалистических и просто дружественных нам стран. Наше место было на Вознесенском проспекте вдоль тротуара. Нам всем давали флажки, которыми надо было махать. Иногда прилет этих руководителей задерживался, и ждать приходилось немалое время. Некоторые сотрудники умудрялись за это время сбегать в буфет, называвшийся в народе «Щель» (он был, кажется, втиснут между гостиницами «Англетер» и «Европейская»), и там выпить. Зато они потом бурно выражали восторг по поводу приезда наших друзей. Помню алжирского Бен Белу, югославского маршала Тито, сопровождавших их наших деятелей. Один раз мы все по указанию райкома партии пошли на Дворцовую площадь, где выступал Н. С. Хрущев. Но там, пользуясь отсутствием непосредственного надзора, его почти никто не слушал, все просто беседовали, выжидая момента, чтобы незаметно исчезнуть с площади. В результате она на глазах пустела и пустела, а он все говорил и говорил.

Но что мне особенно опротивело, так это демонстрации. Ведь только подумать: почти 10 лет на каждой из них я носил портрет Брежнева, закрепленный за отделом. Трудно было его кому-нибудь передать: женщинам неудобно, начальник отдела — так он парторг, отвечает за всю демонстрацию, другой главный специалист отдела умеет увиливать. Наш институт шел в колонне обычно за Кировским заводом. И мы у его демонстрантов интересовались, сколько там платили «носильщикам» за такой портрет, сколько за плакат, за знамя завода. Как мы поняли, деньги за это рабочим (служащие избегали держать в руках что-либо, кроме цветов и веревочек воздушных шаров) платили из фонда бригадира. У нас ничего не платили, но при сдаче носимого в автобус, стоявший за Зимним дворцом, каждому давали по бутылке пива.

Надоело и получать газету «Правда». Ведь еще в «Гипроруде» я захотел вместо нее подписаться на популярные тогда «Изве-

ствия». Скрыть это было опасно, так как иногда просили принести в партбюро квитанцию об оплате получаемого издания. Произошел в буквальном смысле скандал. Пришлось мне униженно извиняться, мол, не подумал и т. д.

В определенном смысле надо было унижаться и перед начальством института. Однажды я не пошел на день рождения одного из начальников. Не хотел слушать славословия, участвовать в выпивке или оправдываться, почему я не пью. Так надо же, он это не только заметил, но и запомнил, помянул через довольно длительное время.

Замечу, что этот начальник старше меня на полтора года, а еще в середине 2011 г., как в Интернете указано, был членом Совета директоров ВНИИ галургии. Вот как надо работать! А брат его, тоже горняк, с которым я работал в «Гипроруде» и был в приятельских отношениях, с виду тоже крепыш, любитель подраться после проводимых вечеров, умер в незапамятные времена.

Надоело мне и постоянное общение с теми начальниками в Москве, которые, как я считал, не соответствовали своему положению, были чрезмерно высокого мнения о себе. Однажды когда я докладывал руководителю Главка результаты одного экономического исследования, конечно, объективно выполненного, они ему не понравились, и он сказал: «Ты у кого работаешь?» Спрашивается, что после этого было делать? В Главке была дама, которая, как говорили, «сидела на премиях». Ну как уж перед ней все должны были унижаться. Однажды наш институт получил распоряжение подготовить ей в честь дня рождения подарок: серьги золотые и обязательно с бирюзовым камнем под цвет глаз что ли. Я как раз ехал в Москву в командировку, и мне доверили их отвезти, даже разрешили ехать в купе с мягкими местами для сохранности подарка. Уж как я прятал на груди эту коробочку. Но довез благополучно, сдал. Однако на торжество все равно приглашен не был, хотя бы для приличия. Кстати, потом эти серьги хорошо на ней смотрелись. А как мне хотелось напомнить ей об их происхождении, даже не сказать. С трудом себя сдерживал.

У меня была хорошая знакомая, которая работала в Главном экономическом управлении нашего Министерства химической

промышленности, женщина довольно интересная, энергичная и весьма умная. В молодости планеристка, она была приглашена в группу будущих космонавтов. Однако отказалась, так как для этого надо было оторваться от семьи на полтора года. Уж не знаю как, но ей удалось перейти на хлебное место — в инспекцию уровня цен при ЦК профсоюзов. Правда, хотя она, конечно, была членом партии, и ей полагалось, прежде всего, любить Родину, она больше нее любила денежные знаки, особенно в виде валюты. И потому она вышла замуж за приезжавшего в СССР, для обмена опытом что ли, датского профсоюзного деятеля. Она получила датское гражданство, что позволило ей активно действовать в расширении получения этой самой валюты за счет вывоза оттуда носильных вещей и их продажи. Был страшный скандал, исключение из партии и увольнение с работы. Обо всем этом можно написать целую статью, если не книгу. Включая, например, красочное описание того, как ее принимали в должности инспектора цен в среднеазиатских республиках. Так вот, эта женщина как-то сказала мне, что москвичей, представителей ЦК профсоюза, плохо приняли в Ленинграде, и что вообще там их не совсем понимают. И что вы думаете, через короткое время ленинградского профсоюзного босса с должности сняли, и на нее поставили Бориса Андреева, с которым я учился на одном курсе в ЛГУ. Это которого в числе ряда других студентов нашего курса, в том числе В. А. Медведева, после разгрома профессорско-преподавательского состава нашего факультета в 1949 г. перевели на ускоренное окончание учебы в университете, обеспечили и ускоренную защиту кандидатской диссертации. Он ряд лет заведовал кафедрой политической экономии в институтах Ленинграда, стал первым секретарем одного из райкомов партии. Я пришел к нему на прием по поводу разрешения на переход в другой институт, которое мне не давали. Он принял меня вне очереди, но разрешения не дал, сказав в объяснение этого: «Партия, знаешь, это штука такая». Строгий был человек даже по отношению к старым знакомым. Конечно, я все же потом перешел. Но тогда настроение было неважное.

И когда мне исполнилось 17 декабря 1987 г. 60 лет, уже начиналась перестройка, стали создаваться условия для реали-

зации моих указанных выше желаний. Конечно, я тогда уже мог выйти из партии и не покидая института, в котором работал. Но это привело бы к жесточайшему конфликту с моим непосредственным начальником, который, как я уже писал, возглавлял парторганизацию института, с другими лицами, в том числе и с московскими (которые мне уже и до этого не раз говорили, что, мол, там у вас в Ленинграде некоторые люди с партийной точки зрения не так как надо себя ведут), к разбирательству моего поступка. Решил всего этого избежать, и 10 марта 1988 г. было последним днем моей работы во ВНИИ галургии. Правда, в следующем году я еще два месяца там работал. А еще примерно год трудился в созданном при институте научном кооперативе. Смутно помню, что была какая-то глобальная тема, что по ней я ездил в командировку в Ташкент, кстати, очень интересную во многих отношениях.

Там поздним вечером при совершенно ясном небе наблюдал такое явление, как парад планет. Бывший с нами геолог, знаток астрономии, объяснял, какая из них за какой следует. И я подумал, какой порядок кто-то в небесах установил, нам бы такой.

Надо сказать, что с места работы меня в заграничные командировки никогда не посылали. Не заслужил, наверное. Однако совершил несколько туристических поездок непосредственно перед и после начала перестройки. Особенно запомнилась поездка до ее начала в Румынию. Внешне коммунистический режим выглядел там очень крепким, масса полицейских с белыми крагами. Однажды при переходе улицы остановился: передо мной стояла автомашина, в которой сидела Елена — жена коммунистического руководителя Чаушеску, выглядела она как музейная мумия. Некоторые люди там тогда говорили о преследованиях за чтение не такой как надо литературы. Но никак не мог даже подумать, что через месяц-другой и Елена, и ее муж будут свергнуты. А в Венгрии был, когда коммунизм начал уже трещать по всем швам. И видел, с каким усердием в Будапеште со здания парламента соскабливали пятиконечную звезду. А в наш туристический автобус даже бутылку бросили.

7. 25 лет в исторических исследованиях

Сегодня даже трудно себе представить, что такой значительный срок прошел с момента, когда я перестал специально заниматься экономикой, а занялся преимущественно историей. Хотя, конечно, забыта она не была и переплеталась с историческими исследованиями, во многом помогая в их проведении. И начались они в основном с изучения моего рода Гессен, хотя, конечно, затрагивались и вопросы истории евреев Петербурга. Но все это в полной тайне от всех знакомых, особенно от сослуживцев. Только после начала перестройки можно было об этом открыто говорить, а тем более публиковаться.

Всего по исторической тематике по состоянию на 2012 г. я имею 96 публикаций, которые относятся к следующим разделам: 1. История рода Гессен — 22. 2. История евреев в России — 19. 3. История евреев С.-Петербурга — 45. 4. Другие исторические вопросы — 10.

Но это деление, конечно, во многом условное, так как, например, ряд публикаций, отнесенных к первому разделу, тесно связаны с третьем. Это же относится и к разделу 2.

Первая публикация на указанную тематику была произведена в 1990 г. в газете петербургской еврейской общины «Ами». А всего за период до 1996 г. в ней я напечатал 18 исследований, касавшихся истории этой общины, ее религиозных учреждений (Хоральной синагоги, молелен, еврейских кладбищ), еврейских религиозных деятелей, образовательных учреждений, библиотек и архивов. Так что эта газета сыграла большую роль в моей научной работе. По четыре исследования были напечатаны в «Вестнике Еврейского университета в Москве», в журнале «Клио» и в альманахе «Из глубины времен», по две в сборнике докладов «Зарубежная Россия» и в журнале «История Петербурга», по одной в журналах «Финансы и Бизнес», «Лехайм» и «Звезда». Публиковался в различных сборниках статей, из которых наиболее крупной была «Структура акционерных обществ и методы управления ими (на примере некоторых крупных пароходств)», напечатанная в «Очерках истории российских фирм (вопросы собственности, управления, хозяйствования)».

Четыре мои публикации представляли собой монографии. И первая из них была «К истории Санкт-Петербургской еврейской религиозной общины. От первых евреев до XX века» (2000). Она, как и все другие статьи и книги по всем темам, была подготовлена с максимальным использованием архивных данных, хотя, конечно, и литературных. В данном случае это относится к сохранившимся документам еврейской общины, которые находятся в ЦГИА СПб. С охватом всего периода нахождения евреев в Петербурге эта тема была позднее представлена в работе «К истории евреев: 300 лет в Санкт-Петербурге» (2005). Что касается истории рода Гессен, то первой монографией здесь была «Жизнь и деятельность И. В. Гессена — юриста, публициста и политика» (2000). Полностью эта тема мною освещена в монографии «Историк Юлий Гессен и его близкие» (2004).

Заметим, что основная часть публикаций была сделана в пределах Российской Федерации. 16 статей опубликованы за ее пределами: четыре на Украине (Киев, Одесса, Симферополь), по две в Германии (Мюнхен, Фрейбург), США (Миннеаполис, Теанекс), Израиле (Тель-Авив, Иерусалим), Польше (Варшава) и в Литве (Вильнюс), по одной в Англии (Лондон) и Швейцарии (Базель).

Для наиболее полного охвата рассматриваемых исторических тем мне пришлось немало поработать в архивах и библиотеках других городов. Особенно следует отметить Областной архив Одесской области, где мне показывали некоторые ценнейшие для меня документы, которые находились на реставрации из-за ветхого состояния. В Киеве проводил исследования в ЦГИА Украины, в Научной библиотеке университета — везде мне оказывали содействие в работе. Особо надо отметить поддержку со стороны Виктории Хитерер, которая ныне является доцентом Миллерсвилльского университета в Пенсильвании. В Москве это ГАРФ, Областной архив и некоторые другие хранилища документов. В Петербурге я собирал материалы практически во всех архивах, последнее время особенно много в РГИА, где еще имеются не использованные мною документы для предполагаемых статей, которые хотел бы успеть написать.

В моей исторической работе в последние десятилетия весьма существенную роль играли научные конференции. Среди них, прежде всего, отметим проводимые в Москве организацией «Сефер» по иудаике, с большим числом участников, в частности приехавших из-за рубежа. Было много интересных научных контактов. Особенно запомнилась поддержка еврейского ученого, историка А. Е. Локшина. Несколько раз выступал на них с докладами по истории евреев в России, печатался в издаваемых сборниках. Нельзя забыть и конференции по истории и культуре российской эмиграции в Петербурге. Их было проведено пять или шесть. И каждая оставила определенный след в моей памяти. Также печатал статьи в издаваемых сборниках «Зарубежная Россия», о чем сказано выше. Затем были конференции, проводившиеся Научно-исследовательским институтом менеджмента, созданным на базе факультета менеджмента СПбГУ. Добавим, что раньше фактически небольшими конференциями историков сопровождалась презентация выпуска сборников «Из глубины времен».

Существенное значение для меня имеет более чем двадцатилетнее общение с Русским генеалогическим обществом, с его президентом И. В. Сахаровым, вице-президентом А. В. Краско, со многими его членами. Я участвовал во многих заседаниях общества, сделал ряд докладов (о роде Гессен, о Шафирове и др.). Упомянут я в ряде справочников общества.

Существенное научное значение имели две поездки в Израиль, общение с проф. А. Гринбаумом из иерусалимского университета, с Даном Харувом, поездка в Швейцарию в связи со 100-летием сионизма при поддержке проф. Х. Хауманна из Фрейбургского университета.

К своему 85-летию я подхожу с некоторым, если можно так сказать, литературным заделом. В печати находится сборник статей, подготовленный на историческом факультете ЛГУ к 80-летию Ю. Д. Марголиса, для которого мною совместно с доцентом А. Л. Дмитриевым написана статья «Большой террор на политико-экономическом факультете ЛГУ в 1948–1950-х годах». В редакции Роскомстата находится рукопись книги «История переписей населения в России», для которой я написал главу «Местные переписи». Для этого использовал